

АННА ЖНЕЦ

ПОПАДАНКА
К ДРОУ

18+

Анна Жнец

**Попаданка к дроу.
Розовыми стеклами внутрь**

«Автор»

2024

Жнец А.

Попаданка к дроу. Розовыми стеклами внутрь / А. Жнец —
«Автор», 2024

Десять лет счастливого брака, и вдруг — предательство. Теперь я одна. Ни работы, ни семьи, ни дома. Но судьба дает второй шанс. Я в теле прекрасной эльфийки в мире дроу. И все бы ничего, но там правят женщины. Не хочу быть сильной! Не хочу ответственности! Мне бы за широкую мужскую спину и на ручки. Как найти здесь мужа, если местные покорные мужчины вызывают одно презрение? * * * В нашем мире магией владеют только женщины. И я. Но я должен скрывать свою силу под страхом смерти, должен притворяться покорным, чтобы соблазнить ту, в кого влюблен много лет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	21
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Жнец

Попаданка к дроу.

Розовыми стеклами внутрь

Глава 1

Хорошей жене муж не изменит никогда. От хорошей жены муж должен уходить на работу с полным желудком и пустыми яйцами – вот формула идеального брака. Так нас учили на курсах женственности. Подружка Лидка только смеялась над советами господина Джахмы, но они работали! У меня был самый лучший, самый любящий супруг в мире.

А Лидка...

Бездельница и лентяйка не сохранила семью и в этом, конечно же, была виновата сама. Разве потянуло бы ее мужика налево, если бы она, как и я, следовала простым правилам?

Ублажай любимого, следи за собой и домом, готовь так, чтобы облизать хотелось не пальчики, а всю руку.

И не спорь. Никогда не спорь с супругом. Мужчина – главный, ему виднее.

Ох, Лидка, Лидка.

Если благоверный изменил тебе на корпоративе с разведенной коллегой, ищи причину в себе. Мало уделяла внимания. Была в постели бревном. Давно сменила маленькие кружевные стринги на огромные застиранные трусы из ситца.

Так что подруженька могла потешаться надо мной сколько влезет. Я-то знала, что все ее насмешки из зависти.

Убираясь в квартире к приходу Олега, я тихонько напевала себе под нос, переполненная счастьем и гордостью за свою мудрость.

Мой семейный корабль выдержит любые штормы, никакие невзгоды и хищницы-любовницы ему не страшны. А все потому, что я – идеальная жена.

В отличие от Лидки, я не распустилась после свадьбы, не превратилась в клушу. Встречаю мужа с работы улыбкой, всегда в хорошем настроении.

Что значит, маленький ребенок, нет ни сил, ни времени привести себя в порядок? Отговорки. Мы с Олегом детей пока только планируем, но уверена, пять минут на то, чтобы накрасить глаза и губы всегда найдутся. А уж облачиться в легкий, откровенный халатик и открыть любимому дверь при полном параде куда проще.

Закончив мыть полы, я с чувством глубокого удовлетворения оглядела результаты своего труда. Дом сиял чистотой. По воздуху плыл аромат куриной грудки, запеченной с ананасами. И это не все! Накрытые салфеткой на столе в кухне Олега ждали его любимые пирожки с яблочками. Дорогой обязательно оценит.

Что там на часах? Без пяти семь. Машина Олега, наверное, уже подъехала к дому.

Спohватившись, я торопливо затолкала швабру в кладовку. Все эти скучные атрибуты быта не должны попадаться мужчине на глаза. Не должен супруг, уставший после работы, с порога наткнуться на таз с грязной водой, а то ощущение уюта будет испорчено.

Дом – тихая гавань. Надежный тыл.

Убрав все лишнее с глаз, я бросилась в спальню, к комоду, чтобы сменить привычные трусы-шортики на что-то более сексуальное. Стринги, особенно кружевные, – белье, конечно, ужасно неудобное, тонкая полоска ткани постоянно врежется в задницу, то и дело хочется ее поправить, но на какие жертвы ни пойдешь ради счастливого брака. Тем более у умной женщины в загашнике всегда хранится парочка секретов. Зачем целый день страдать в неудобных

трусах, если можно надеть их перед самым приходом мужа? Это касается и узких тапочек на каблучке. Пытка для ног, зато красиво.

Дин-дон.

Пришел!

Волнуясь как перед экзаменом, я бросила взгляд в зеркало – помада не размазалась – и с улыбкой открыла дверь любимому супругу.

Олег был хмур. Наверное, устал. Джахма учил нас не мучить любимых расспросами. Если муж вернулся со службы недовольным, сначала накорми его до отвала, а потом расслабь минетом. Вкусная еда и хороший минет – лучшие средства от семейных скандалов.

Следуя этой мудрости, я молча протянула Олегу вешалку для пальто. Угрюмо сжимая губы и не глядя в мою сторону, любимый начал раздеваться.

Ну точно какие-то проблемы на работе! То ли начальник-говнюк устроил разнос, то ли целый день пришлось трудиться в поте лица.

Ничего, милый. Сейчас вернем тебя к жизни. План простой: полный желудок, пустые яйца.

В кухню Олег проследовал тяжелой, грузной походкой. Его плечи были напряжены, под кожей у челюсти вздулись мышцы.

Бедняга, как ему нелегко! Сколько сил он тратит, чтобы обеспечить нашей семье достойный уровень жизни. Хорошая квартира, пусть и маленькая, зато своя. Поездки на море, пусть не на Мальдивы, зато каждый год. А сколько техники он мне купил, чтобы облегчить быт! Посудомойку на день рождения подарил, а до этого на новый год крутую стиральную машину с функцией сушки. Теперь не надо прыгать с мокрыми тряпками по балкону: вынимаешь все сухое и сразу складываешь в шкаф.

И не работаю я уже десять лет. За одно это пылинки надо сдувать с такого супруга.

Ну золото, а не муж.

А все почему? Потому что советы Джахмы работают. Хочешь идеального мужа – стань идеальной женой.

Полная благодарности и умиротворения, я усадила Олега за кухонный стол и принялась суесться вокруг него. Вот тарелка с грудкой и запеченной картошечкой. Все красиво сервировано, посыпано укропом, как в ресторане. Вот кофе, не растворимый – сваренный в джезве, как ты любишь. А вот пирожки с яблоками. Нет, сама не буду. Нельзя же расплываться, как Лидка, а то всякие хищницы с твоей работы решат, что ты легкая добыча.

Олег ел молча. С самого своего прихода он не сказал ни слова, а я не решалась его тревожить. Пусть мужик спокойно поужинает. Замучался за восемь часов в офисе. Это у меня есть время отдохнуть в течение дня, а он, бедолага, пашет, как вол.

– Вкусно? – спросила я с улыбкой, когда благоверный вытер салфеткой рот и отодвинул пустую тарелку в сторону.

– Вкусно, – буркнул Олег, продолжая хмуриться.

Ничего, сейчас разгладим морщинки на твоём лбу.

С этой мыслью я подошла к любимому и плавно опустила перед ним на колени.

– Что ты делаешь?

– Тш-ш-ш.

Мои руки уже расстегивали ширинку Олега.

Не возбужден. Нестрашно. Редко какой мужчина возвращается с работы с членом, стоящим колом, и с порога набрасывается на жену. Завести любимого – задача супруги, и только полная бездарность с этой задачей не справится.

– Надь, не надо.

Он попытался меня оттолкнуть. Наверное, переживал, что мне неудобно стоять голыми коленями на твердой холодной плитке. Заботливый. Мне и правда было больновато, да и живот

тянуло из-за месячных, начавшихся утром. Мелочи! Все это мелочи. Ради любимого можно и потерпеть, тем более из-за красных дней главное блюдо под запретом.

– Надь.

Несмотря на возражения Олега, я старательно двигала головой, расслабляла горло, как учили на курсах, и в награду член у меня во рту стал каменно-твердым. Теперь руки Олега не отталкивали меня, а лежали на моем затылке, задавая темп.

– Глубже, Надь, давай глубже.

От желания угодить даже слезы на глазах выступили. Я давилась, хрипела, всеми силами боролась с рвотным рефлексом, зато чувствовала себя потрясающей любовницей. Где еще Олег такую найдет! Ни на одном корпоративе. Если дома сладко, на сторону бегать не будешь.

Наконец сверху раздался протяжный стон, а рот наполнило горькой жидкостью.

«Никогда не сплевывайте, это оскорбление для мужчины», – учил Джахма, и я проглотила все до последней капли, после чего, по-прежнему сидя на коленях, взглянула на мужа.

– Надь, – вздохнул Олег, устало вытирая пот со лба. – Надь, черт, я не так хотел это сказать. Но ты сама виновата, сама ко мне полезла. В общем, я от тебя ухожу. У меня другая женщина. И она ждет ребенка.

Это шутка?

Стоя на коленях и ощущая во рту горький вкус спермы, я растерянно смотрела на мужа.

За такие шуточки надо бы устроить скандал, но Джахма учил быть понимающей и терпеливой супругой. Ну, неудачно съюморил Олег. Не убивать же его за это.

– Милый, это не смешно, – сказала я и тут же сгладила строгий тон неуверенной улыбкой.

Улыбаться не хотелось. Хотелось кричать и сыпать обвинениями, как сварливая истеричка, коих я презирала.

Минет до слез, вкусный ужин, на который ушло три часа, квартира, вылизанная до блеска, а в благодарность любимый решил поупражняться в остроумии.

Обидно. Но на обиженных воду возят. Обида разрушает тебя изнутри, и вообще надо уметь прощать.

– Сделать еще кофе? – спросила я, пытаюсь вернуть себя в прежнее умиротворенное состояние.

– Дура! Ты вообще слышала, что я тебе сказал?!

Впервые в жизни Олег повысил на меня голос. Повысил – мягко сказано. Заорал. Закричал так, что слюна брызнула во все стороны и капельками влаги осела на моем лице. Шокированная, я продолжала сидеть на коленях у ног супруга и только испуганно моргала.

– На, вытрись!

В лицо мне полетела салфетка. Только сейчас я почувствовала, что губы и подбородок испачканы мужским семенем.

О боже...

– Я от тебя ухожу, – заявил Олег, вскочив на ноги. – Подаю на развод. У меня есть любовница. Любовница! Ты понимаешь? Я трахаю ее уже полгода. После работы. Когда говорю, что поехал на сервис или на рынок за запчастями для машины, на самом деле я еду к ней. И трахаю ее.

Вот почему наш старый «фольксваген» так часто ломался. Не потому, что дороги убитые и пробег большой, а...

Не верю.

Не могу в это поверить.

Это неправда.

В ушах зашумело. Комната перед глазами качнулась и поплыла.

Почему? За что? Я ведь... Я ведь была идеальной женой! Доброй, любящей, понимающей. Не какой-нибудь склочной бабой с вечным ПМС. Не опустившейся домохозяйкой, погрязшей в кастрюлях. И в постели отнюдь не рыба мороженная. Чего ему не хватало?

Надо было встать, подняться с колен, но силы меня покинули. Я так и продолжала сидеть на холодном полу, оглушенная, раздавленная, униженная.

А во рту горчило от проглоченной спермы.

Как он мог? Как мог?

Знал, что бросает меня, но пришел домой, съел с любовью приготовленный ужин, позволил мне опуститься на колени и сосать его член, а потом как ни в чем не бывало кончил мне в рот.

Я почувствовала себя вещью. Проституткой. Меня использовали и вышвырнули на помойку. Ощущение грязи прилипло к коже, намертво в нее въелось. Хуже – грязь проникла глубже, просочилась сквозь поры прямо в душу, замарала меня внутри.

Мой мир рухнул.

В одночасье.

Все, во что я верила, оказалось ложью.

Твердая земля под ногами за секунду превратилась в топкое болото.

– Почему? – глухо прошептала я, борясь со слезами.

Воды. Мне надо выпить воды, избавиться от мерзкого привкуса во рту.

Кое-как я поднялась с пола, доползла до раковины и дрожащими руками открыла кран. Вода хлынула и забила по боку кружки, лежащей на дне мойки. Во все стороны полетели брызги.

– Ты меня достала, – хлестал словами Олег, стоя у меня за спиной. – Ты похожа на робота. Неживая. Только и умеешь, что улыбаться, как дура, и поддакивать. Хотя бы раз высказала свое мнение. С тобой скучно. Ты предсказуемая, как старый, поношенный тапок. Еще и сидишь на моей шее десять лет, не развиваешься.

– Но ты же сам хотел, чтобы я не работала. Чтобы посвятила себя семье.

– Нормальные женщины все умеют совмещать. И работу, и дом. И себя обеспечивают, и уют вокруг создают. В конце концов, не так и много времени занимает домашнее хозяйство. Стирает стиралка, посуду моет посудомойка. Две кнопки нажал – и отдыхай. Не понятно, чем ты занимаешься целыми днями.

Колючий ком застрял в горле.

Не ценил. Все это время он меня не ценил. Не видел, не замечал того, что я делаю.

И кто в этом виноват? Я! Целенаправленно создавала у Олега иллюзию, что порядок в квартире наводится и поддерживается сам собой. Полы сами по себе всегда чистые, пыль не оседает на столах и полках, одежда вылезает из стиральной машины и без моего участия ползет в шкаф. Так он все это время думал?

Взмахнула жена волшебной палочкой – и картошка лишилась шкурки, порезалась и в духовку красивыми дольками уложилась. Взмахнула второй раз – и жирные пятна с плиты и кухонного фартука исчезли.

О, Господи, какая картошка, какие пятна! Мне изменили.

Муж изменял мне полгода. С какой-то бабой. Говорил, что едет чинить машину, а сам...

И теперь меня ждет развод. Развод. Слово, которое всегда наводило на меня ужас. Слово, которое я никогда не произносила вслух. Слово-приговор. Слово-катастрофа. Слово, упавшее на голову, как бетонная плита.

Развод.

Я превращусь в одну из этих брошенных неудачниц, которые не смогли сохранить семью.

Разведенка, брошенка – так с презрением называл их Джахма. Теперь я одна из них, из тех женщин, на которых всегда смотрела свысока.

Превратилась в свою мать, чью судьбу боялась повторить больше всего на свете.

А я ведь из кожи вон лезла, лишь бы никогда не стать ею. Своей матерью. Рано поставшей загнанной лошадью, в одиночку тянувшей троих детей. Я запомнила ее уставшей и печальной. Всегда уставшей и печальной. Она работала на двух работах, но все равно сидела без денег.

Тогда я усвоила: для счастья женщине нужен муж, самое страшное, что может с тобой случиться, – развод.

Мне казалось, я поняла рецепт счастья, нашла идеальную формулу успеха, встретила ту самую каменную стену, за которой можно спрятаться.

Но стена рухнула.

Рецепт наврал.

В формулу закралась роковая ошибка.

Я потеряла все ориентиры, на которые полагалась десять лет, и теперь не знала, как двигаться дальше, в какую идти сторону. Словно, не умея плавать, оказалась посреди океана, подхваченная водоворотом.

Хорошо хоть не успела забеременеть.

А может, наоборот, плохо?

Может, общий ребенок укрепил бы наш брак?

С другой стороны, моего отца и трое детей не излечили от кобелизма головного мозга.

– Я хочу, чтобы ты ушла, – сказал Олег.

– Что?

Под ложечкой засосало от дурного предчувствия.

– Ты меня уже полгода дико раздражаешь.

Я? Раздражаю?

А вкусные обеды и ужины, приготовленные мной, тебя тоже дико раздражают? А чистые и выглаженные рубашки? А глубокий минет по утрам?

– Сам уходи, – глухо прошептала я. – Собирай вещи и уходи к этой своей...

«Шалаве», – закончила мысленно.

– Нет, дорогая, эта квартира моя. Куплена за мои деньги. Оформлена на мою мать.

Он оформил квартиру на мать?

– Ты к этому жилью не имеешь никакого отношения. Ты на него не заработала. Пока я пахал на эту квартиру, ты сидела на моей шее и ничего не делала.

Ничего не делала...

Я покачала головой.

Часы в кухне громко тикали, показывая половину девятого. За окнами сгустились сумерки. Февраль. Олег собирался выгнать меня на улицу на ночь глядя? В мороз.

– Иди собирай вещи.

* * *

«Будь умной, доченька. Не останься, как я, у разбитого корыта».

Именно это со мной и случилось.

Я осталась у разбитого корыта. С голой жопой.

Ни мужа, ни работы, ни собственного жилья. За десять лет я успела забыть, куда положила диплом и трудовую книжку. Впрочем, этими бумажками теперь осталось лишь подтереться. По специальности я отработала год, а потом целиком и полностью посвятила себя Олегу и его комфорту.

Стажа нет. Квалификация потеряна. Как, а главное, на что жить дальше?

И куда податься поздно вечером?

Дрожащими руками я снимала с вешалок платья и складывала в чемодан. Неожиданно выяснилось, что вещей у меня немного. Олег подарками не баловал, а деньги выдавал строго на хозяйство.

Странно. Почему-то мне казалось, что мой муж щедрый. Но где подтверждение этой его щедрости?

В шкатулке для украшений одиноко лежали обручальное кольцо и тоненькая золотая цепочка, подаренная еще до свадьбы.

Я открыла кошелек. Две тысячи рублей. Все мое богатство. И на это надо как-то прожить, пока я не найду работу и не получу первую зарплату.

Две тысячи рублей.

Деньги, которые Олег дал на продукты и бытовую химию, а я не успела потратить. У меня даже не было своей карточки. Ничего не было своего.

Эта мысль переполнила чашу отчаяния, и, упав на кровать, я тонко, едва слышно завывала от обиды.

Десять лет обслуживала мужика, а меня взяли и вышвырнули на помойку. Уволили без выходного пособия. Выкинули как собаку на улицу.

Поздним вечером.

Куда хочешь, туда и иди.

Я и сама чувствовала, что больше не могу оставаться в этом доме, под одной крышей с предателем. Не могу смотреть на него без отвращения. Куда только делась любовь?

Ее растоптали, уничтожили.

Невозможно любить того, кто вытер о тебя ноги.

Но черт побери! Ночь, зима, две тысячи рублей в кошельке.

Куда идти? К кому?

Мама умерла шесть лет назад. Сгорела. Подорвала здоровье, пока тянула ляжку. Брат спился и влачит жалкое существование – даже не знаю, где он. А сестра... Старшая сестра молодец. Она тоже боялась повторить судьбу нашей несчастной матери и выбрала совсем другой путь: не вышла замуж, не родила детей, посвятила всю себя карьере и сейчас занимала высокую должность в какой-то маркетинговой компании.

Но и к сестре я не могла обратиться за помощью. Поможешь тут, находясь за тысячи километров, в другой стране.

Троих. Наша мать родила троих и любила повторять: «Как хорошо иметь брата и сестру. Всегда рядом будет тот, кто поддержит в трудную минуту».

И вот настала эта трудная минута, а мне даже переночевать не у кого.

Сон. Какой-то страшный сон. Кошмар.

За стеной шумела вода. Олег как ни в чем не бывало отправился в душ, словно это нормально и естественно – растоптать близкого человека и пойти мыться.

Может, остаться здесь до утра?

Нет, не хочу. Не могу! Слишком больно.

Денег попросить? И вытерпеть еще одно унижение? Хватит.

Взяв с тумбы телефон, я принялась просматривать список своих контактов и поняла, что за десять лет брака растеряла всех подруг.

«Муж – вот ваша лучшая подружка», – говорила наша учительница по английскому языку. Девчонки-одноклассницы смеялись, поддакивали, и я вместе с ними.

Теперь эта бородатая подружка выгоняла меня из дома, и рядом не было никого, кто протянул бы руку помощи.

Палец, скользящий по сенсорному экрану, остановился напротив женского имени.

Лидка.

Похоже, старая школьная приятельница – единственная, к кому я могла завалиться домой на ночь глядя.

* * *

Лидка, слава богу, жила в соседнем доме – всего и надо было, что пересечь заснеженный двор и подняться на девятый этаж. Пока тесный загаженный лифт вез меня наверх, я вари-лась в собственном унижении. Еще утром я смотрела на разведенную подругу с высоты своего семейного статуса, а уже к вечеру оказалась в ее шкуре. И так мне было невыносимо стыдно. Словами не передать!

Сколько раз я хвасталась своим счастливым браком, с умным видом учила Лидку, как вести себя с мужчинами, считала себя самой мудрой, и вдруг... на улице, без денег, с одним чемоданом вещей. Десять лет жизни в мусорку.

Хорошо хоть ни разу не сказала подруге, что действительно о ней думаю. Что считаю ее опустившейся клушей, которая сама виновата в том, что муж ей изменил. Благослови, Господь, мое умение держать язык за зубами. А то сейчас бы ночевала на скамейке в парке.

– Ну что, не помог тебе твой гуру удержать мужика? – съязвила Лидка вместо приветствия, когда открыла мне дверь.

Больно. Но ожидаемо. Не думала же ты, Надежда, что менее удачливая подруга упустит случай позлорадствовать?

Впрочем, большой вопрос, кто из нас двоих сейчас в худшем положении. Лидка – мать-одиночка, зато муж-изменник оставил ей квартиру.

– Ну проходи. Рассказывай. Кто донес? Доброжелательница? Или сама застукала?

Оставив чемодан в прихожей, я прошла за подругой в кухню и устроилась на угловом диванчике. Всегда ненавидела такие. Неудобные, громоздкие и выглядят старомодно, особенно, если обивка не натуральная кожа, а дерматин.

Пока я собиралась с мыслями, Лидка достала из верхнего шкафчика бутылку коньяка.

– Только тихо, а то малой спит. Такое счастье, когда получается уложить его пораньше. Ну что? – наполнила она стаканы. – За свободу?

– За свободу, – прошептала я и разрыдалась.

А ведь обещала себе держаться, не показывать слабость, не терять гордость. Не при Лидке. Достоинство сохранить хотела, а вместо этого расклеилась в первую же минуту. Уни-зительно как. Даже глаза на подругу поднять стыдно.

– Ну-ну, ты чего? Не разводи сырость. Подумаешь, муж изменил. Другого себе найдешь. Еще лучше. Этот твой Олег мужик так себе. Ни рожи, ни кожи, не модель и не олигарх. Пей давай. – Она подвинула ко мне стакан, полный на треть. – А что на этих твоих курсах жен-ственности говорят? Этот твой Будда что советует в таких ситуациях?

– Джамха, – машинально поправила я и в раздражении махнула рукой. – Да ну его!

– Правильно!

– И Олега тоже ну!

– Точно!

– Найду себе мужика еще лучше!

– Молодец! Так держать!

Спать меня положили в гостиной на раскладном диване. Неудобном, старом, скрипучем. После развода Лидка с малым жили небогато, даже бедно. Едва концы с концами сводили. Подруга все мечтала найти обеспеченного мужчину, нового папу своему сынишке. Даже за внешностью в кои-то веки начала следить. Похудела килограммов на десять, похорошела, на последние деньги накупила дорогого шмотья. В общем, было видно: вышла на охоту.

Лежа на скрипящем диване и глядя в потолок, я тщетно пыталась уснуть уже который час, но даже три стопки коньяка не помогали в этом нелегком деле. В конце концов выпитое попросилось наружу, и пришлось подняться на ноги.

Бродить по чужому дому в поисках уборной было неловко, поэтому передвигаться я старалась бесшумно.

В кухне до сих пор горел свет.

Из-за двери доносились обрывки чужого телефонного разговора:

– Твоя ко мне заявила, прикинь. Сама в шоке.

Я замерла, не смея дышать. Первая мысль, которая меня посетила, – подслушивать нехорошо. Вторая – Лидка позвонила Олегу. Зачем?

А может, вовсе не с Олегом она разговаривает? Не меня обсуждает со своим невидимым собеседником? С чего я решила, что речь обо мне? Мало ли кто появился к Лидке сегодня днем.

Не параной, Надя.

Я осторожно выдохнула, но так и не осмелилась обнаружить свое присутствие. Замерла, как дура, посреди коридора и смотрела на приоткрытую дверь, из-за которой сочился свет. За белым матовым стеклом мелькала темная фигура моей подруги.

Лидка зашептала опять:

– Нет, не закатила скандал. Ты же ей не сказал о нас. Походу, она даже не догадывается.

А ты прям взял и выставил ее на улицу?

Подруженька, теперь уже явно бывшая, захихикала:

– Я думала, она сама гордо свалила, этакая оскорбленная добродетель, а оказывается, это ты ее погнал.

Кровь бросилась в лицо. Щеки запылали.

Он с Лидкой? Мой муж и моя подруга?

– Во прикол.

Какой мерзкий у нее голос! И тон такой глумливый, аж тошно.

– Чего ржу? Да вспоминаю, как твоя дура учила меня семейной жизни. Лекции пересказывала этого своего гуру. Что за лекции? Да на тему: «Как удержать мужа». И всегда смотрела с таким гадким превосходством, что хотелось спустить ее с небес на землю.

Судорожно вздохнув, я зажала ладонью рот.

– Умничала постоянно. Эти ее вечные: «Олежеку со мной так хорошо, поэтому он даже не смотрит на других женщин». А я слушала, кивала и вспоминала, как мы с тобой несколько часов назад трахались. Во Надька, умора.

Новая волна рыданий рвалась наружу.

Бежать! Бежать отсюда скорее! Прочь из этого гадюшника. Подальше от мерзких предателей. Как они могли? И какой же я была идиоткой! Наивной. Самодовольной. Слепой. А эти двое... потешались надо мной за глаза.

Ладно Лидка, но Олег!

Что плохого я ему сделала! Старалась, угождала, в рот заглядывала, как учил шарлатан-Джахма! Пыталась быть самой лучшей – и вот результат.

В этот раз всхлип вышел таким громким, что темная фигура за матовым стеклом замерла, а потом начала приближаться. Дверь медленно открывалась, клин света на полу рос, а я все стояла в полумраке коридора каменным изваянием и не могла пошевелиться. Только зажимала руками рот.

– Слышала, значит, – сказала Лидка и посмотрела на меня холодно и с насмешкой. Снисходительно так посмотрела. Свысока. Как я когда-то смотрела на нее, разведенную и униженную изменой. – А ведь, знаешь, все началось со спортивного интереса. Ты всегда так хвасталась верностью своего Олеженьки, что мне захотелось проверить его на вшивость.

Я покачала головой. Меня будто ножом ударили. Будто били им снова и снова. Раз за разом. Безжалостно. В сердце.

Как они могли, эти двое?

– Злилась я на тебя очень. Ты же мне на больное место своим семейным счастьем давила. Тыкала им постоянно в глаза. Крутила, как сочным бифштексом, перед голодным ртом. Чего теперь плачешь?

Плачу? Да, плачу.

Слезы широкими дорожками катились из глаз и оседали в уголках губ солью.

За что?

Силы вернулись. Оцепенение схлынуло. Чувство обиды и жалости к себе сменилось гневом. Развернувшись, я кинулась к своему чемодану.

Одеться – и на улицу. Ни минуты здесь я больше не выдержу.

Лидка последовала за мной в гостиную:

– Ну и куда ты? Два часа ночи. Хочешь, чтобы тебя где-нибудь в подворотне изнасиловали и убили?

Трясущимися руками я натянула джинсы и взялась за свитер.

– Останься. Утром уйдешь, – она попыталась отобрать у меня чемодан, и в эту секунду внезапное воспоминание прошло, как разряд молнии.

Я успела пересечь половину коридора, как вдруг резко остановилась и выпустила сумку из рук.

Олег сказал, что его любовница ждет ребенка.

– Ты беременна?

Сердце сжалось. Болезненно заныло под ребрами.

Я стояла к Лидке спиной, но видела ее отражение в зеркале шкафа-купе. В ответ на мой вопрос глаза бывшей подруженьки округлились, брови поползли вверх, затем удивленное выражение на лице сменилось хитрым.

– Забеременею, – губы тронула кривая ухмылка. – Дай время, и все будет. Без обид, подруга. Мужики с зарплатой двести тысяч на дороге не валяются. Ты одна, а у меня ребенок. Мне о его судьбе думать надо.

Солгала, значит, ему про залет.

После слов Лидки я, наверное, должна была почувствовать, как нож предательства проворачивается в свежей ране, но нет. В душе темной грязной волной всколыхнулось что-то похожее на злорадство.

Какие же мужики все-таки дураки!

Не нравилось быть для жены богом – станешь для любовницы кошельком на ножках.

Теперь вместо вкусных ужинов черпай полной ложкой чужое вранье. Приятного аппетита, Олеженька, не подавись.

– Знаешь, – сказала я, прежде чем уйти, и высоко вздернула подбородок. – Думаю, Олег тебя заслужил. Мне даже мстить ему не надо. Он сам себя наказал.

А теперь на лестничную клетку и в лифт. На улицу. В холодную февральскую ночь.

На этой неделе, как назло, ударили сильные морозы, мело каждый день. Коммунальные службы чистили дороги, а их заносило опять, поэтому сейчас я брела по колено в снегу и с трудом тащила за собой полупустой чемодан на бесполезных колесиках.

Слезы высохли, впереди лежала черная неизвестность, но последний разговор с Лидкой каким-то странным образом вернул мне душевное равновесие. Я поняла, что справлюсь: и работу найду, и мужчину достойного встречу, и все у меня наладится. Главное, пережить эту ночь. Эту темную морозную ночь, когда некуда податься.

Устав идти, я остановилась у запорошенной снегом лавочки и вытащила телефон. Надо написать сестре. Пусть переведет мне деньги на первое время.

А что, если взять и уехать к ней? А вот возьму, все брошу и рвану к Верке. Тем более бросать-то особо нечего. Ничего-то у меня своего и нет, кроме этого старенького чемодана с заедающей выдвижной ручкой.

Начинать жизнь с чистого листа можно в какой угодно стране.

Воодушевленная, я спрятала телефон обратно в сумку и пошла дальше. Снег скрипел под ногами, лицо щипало от мороза, улицы были пугающе пустынные. Спальный район, маленький городок, ночью жизнь здесь словно замирала.

Темно, даже жутко. Окна домов не горели, а в свете редких фонарей было видно, как ветер носит в воздухе снежную крупу.

Проходя мимо одного из таких тусклых фонарей, я заметила мужчину, идущего следом за мной. Сначала сквозь вой метели слышала позади скрип шагов, затем обернулась и...

О, Господи...

Знаете, а это, оказывается, страшно – ночью на безлюдной улице обнаружить за спиной темную мужскую фигуру. В голове сразу всплыли слова Лидки: «Хочешь, чтобы тебя где-нибудь в подворотне изнасиловали и убили?»

Ругая себя за панику, я все же пошла быстрее.

Мужчина тоже ускорил шаг!

Теперь не осталось сомнений. Он шел за мной! Он меня преследовал. Незнакомец на глухой, пустынной улице.

Все внутри сжалось от ужаса.

Я побежала.

Мужчина побежал тоже.

Дыхания не хватало. Сердце выпрыгивало из груди, просто разрывалось от бега.

За мной гнался маньяк! Или насильник. Или просто бандит. Какая разница! Он за мной бежал, а значит, хотел со мной что-то сделать. Что-то нехорошее.

От ужаса я припустила еще быстрее.

Дура! Надо было остаться у Лидки до утра. Обида не обида, а жизнь важнее. Всегда в первую очередь надо думать о собственной безопасности.

Ноги начали разъезжаться: под снегом оказался пяточек льда – и я замахала руками, чтобы не упасть.

Скорее, скорее!

Вон к тому шоссе, по которому носятся машины. Там меня не тронут: слишком много свидетелей и можно позвать на помощь.

Под ногами снова был твердый, утоптаный снег, и я рванула вперед, бросив чемодан, который меня тормозил. В просвете между домами угадывался кусочек освещенной дороги, слышался гул движения машин.

Маньяк за спиной что-то закричал, но его слова утонули в шуме метели.

Потная, растрепанная, я со всех ног бежала к своему спасению. Ветер бросал в лицо колючие снежинки. Снег оседал на ресницах, летел в глаза. Приходилось все время щуриться.

Маньяк приближался. Я чувствовала, что расстояние между нами сокращается, но и до шоссе оставалось совсем чуть-чуть.

Еще немного, поднажми!

– Девушка, стойте! Чемодан!

Ветер выл. Вьюга усиливалась и в конце концов окончательно меня ослепила.

Перед мысленным взором замелькали кадры из документального фильма про серийного маньяка, который мы недавно смотрели с Олегом. Что этот подонок творил со своими жертвами! Жуть!

Это не могло случиться со мной! Только не со мной.

Муж изменил и бросил, подруга предала. Для полного счастья не хватало быть изнасилованной и убитой. Нет! Я не дамся! Я ведь жизнь новую собиралась начать, к сестре уехать.

С чувством облегчения я выбежала на широкую четырехполосную дорогу и принялась размахивать руками:

– Спасите!

Стоило приоткрыть глаза, и их тут же залепили летящие в лицо хлопья снега. Крупные, холодные, острые. Волосы выбились из-под шапки и мешали обзору.

– Спасите!

Объезжая меня, водители недовольно сигналили. Кто-то высунулся из окна и закричал: «Идиотка!»

А мне было страшно. Так страшно! Сердце бешено колотилось о ребра.

Сквозь таявший на ресницах снег я увидела темный силуэт мужчины под деревьями на обочине и инстинктивно попятилась от угрозы.

Рев двигателя. Визг тормозов. Хоровод снежинок в свете приближающихся фар. Очертания большой машины.

Удар и мрак.

* * *

– Ваше Высочество? Ваше высочество, что с вами? Очнитесь.

Я моргнула, и увидела перед собой странное серокожее существо с янтарными глазами и ушами такими длинными, что их острые кончики вызывающе торчали из пышной белой шевелюры.

– А? – промямлила я, еще раз моргнув.

– Хвала Лайдан! Я так перепугалась, Ваше Высочество! Вы словно заснули с открытыми глазами и не отзывались минут десять.

Я приподняла брови, таращась на свою собеседницу.

Где я? Кто это? Что происходит?

– Пора на дуэль.

Что? Куда?

Я осторожно скосила взгляд. Комната. Большое стрельчатое окно, из которого открывался вид на полную луну над далекими холмами. Мебель явно дизайнерская. Как будто корни деревьев выросли из пола и сплелись между собой, образовав комоды, шкафы, спинки стульев, изголовье кровати. Все было украшено цветами, под потолком парили стеклянные шары, внутри которых трепетали язычки пламени.

– Ваше Высочество, – тихо, но настойчиво позвало серокожее существо. – Дуэль. Поединок за объект желания.

Я медленно повернула голову и увидела другую женщину, куда более привлекательную, чем первая. По крайней мере, лицо и тело у нее были оттенка нормальной человеческой кожи. Светлые.

Голубые глаза, белые волосы, изящная фигурка. Далеко не сразу я поняла, что смотрюсь в зеркало и что прекрасная блондинка – мое отражение.

Что за?..

– Ваше Высочество, – снова принялась жужжать под ухом назойливая девица, пока я потрясенно ощупывала свои щеки и маленький аккуратный носик. – Вас все ждут.

Уши! У меня тоже выросли длинные треугольные уши с острыми кончиками.

Сон? Я сплю?

– Принцесса!

От этого звонкого голоса внезапно разболелась голова, а следом сметающей все волной нахлынули воспоминания.

Предательство мужа.

Разговор с Лидкой в коридоре.

Я бегу от пугающего незнакомца сквозь снежный вихрь. Потом, растерянная, ослепленная метелью, стою посреди дороги, а вокруг сигналият машины.

Сильный толчок и темнота.

Это что же? Я умерла? Впала в кому и брежу? Погибла под колесами джипа и переродилась в другом теле? Это типа реинкарнация? Переселение душ?

Если так, то почему я не младенец, а девица двадцати лет на вид?

– Принцесса! Принцесса! Дуэль!

– Что за дуэль? – машинально шепнула я.

– Ну как же! Дуэль за право обладать объектом желания.

И тут меня настигла вторая волна воспоминаний, на этот раз обрывочных, смутных и явно чужих.

Пазл сложился в абсурдную фантастическую картину. Каким-то непостижимым образом я оказалась в ином мире, в теле эльфийской принцессы, и это было...

Просто прекрасно!

Сказочная удача!

Тот самый шанс начать жизнь заново. Еще лучше, чем уехать к сестре в другую страну.

Наверное, я должна была изумиться или ужаснуться, почувствовать себя растерянной, сбитой с толку. Вместо этого меня переполняла радость, какое-то детское ощущение свершившегося чуда.

Прошное виделось мне черной ямой, полной проблем, но я сбежала от этих проблем в новый мир. Ну разве не здорово?

В любом случае это лучше, чем быть разведенкой без работы и жилья.

– Дуэль, значит, – я позволила серокожей девице вытащить меня в коридор.

Та закивала, а я зажмурилась от восторга.

Принцесса! Я – принцесса, а значит, буду купаться в роскоши и ничего не делать. Никакой работы, никакого быта, никаких проблем.

И мужа искать не надо. Сам найдется. Богатый, красивый, статусный. Моя мечта о жизни за спиной сильного мужчины теперь обязательно исполнится. На принцесс спрос большой, и их не бросают, так что одиночество мне не грозит. Ни одиночество, ни бедность.

– Ох, опаздываем, – причитала серокожая. – На седьмую луну назначено. Надо спешить, пока все не разошлись, решив, что вы трусили и не придете. Какое пятно на репутации будет, если так случится. Позор на весь Лунновиль.

Точно! Дуэль! За мое сердце собираются биться двое благородных мужчин. Это так романтично! Прямо как в сказках и любовных романах. Прекрасная дама достанется победителю. Самому сильному, самому храброму, самому достойному. И он непременно будет красив. Я ведь в королевстве эльфов, а некрасивых эльфов не бывает, верно?

«Ну, кроме нее», – я скептически взглянула на свою провожатую. Не нравился мне этот серый цвет кожи.

Я ускорила шаг, чем заслужила одобрительный взгляд моей спутницы.

Воображение уже рисовало красочную картину того, как в шикарном зале я занимаю самое лучшее место, а двое высокородных рыцарей в сияющих доспехах по очереди подходят ко мне, чтобы выразить свое восхищение.

Они будут драться за меня! За мое расположение. Ух, как приятно! Утрись, Олег.

Всегда мечтала родиться в век галантных кавалеров и беззаботных аристократок в пышных платьях. Во времена, когда женщины исполняли свою традиционную, отведенную им природой роль, а не пытались навешать на себя мужские обязанности.

– Вот, Ваше Высочество! – Серокожая сунула мне в руки какую-то круглую металлическую штуковину, похожую на щит, и открыла дверь. – Удачи! Сделайте ее!

Кого? Что я должна сделать? И зачем мне этот щит?

Растерянная, я вошла в просторное помещение, заполненное народом. Появление мое было встречено оглушительным ревом толпы. Меня приветствовали стоя. Эльфы! Десятки эль-

фов с серой кожей и пепельными волосами до талии вскидывали вверх руки, сопровождая этот жест одобрительным криком.

В ответ я с чувством неловкости помахала вопящей толпе ладонью, затем взглядом искала на трибунах свободное место. Раз я принцесса, то сидеть должна где-то в центре, скорее всего, на троне.

Середину зала расчистили для поединка, вдоль стен тянулись лавки, расположенные ступенчатыми рядами, и на этих лавках яблоку некуда было упасть.

Где мой трон? Сесть мне куда?

Не зная, что делать и поэтому нервничая все сильнее, я озиралась по сторонам. На стенах в фигурных прихватах горели факелы, но какие-то странные: огонь был спрятан под стеклянными колпаками. Под стрельчатым сводом парили такие же прозрачные шары с язычками пламени, как в моей комнате. Среди орущих зрителей, явившихся на турнир, я не увидела ни одного мужчины. Подозрительно.

Кстати, где мои поклонники? Где эти сногшибательные красавцы, готовые рискнуть жизнью ради моего внимания? Не терпелось на них посмотреть.

На самом деле, если быть честной, эльфийский тип внешности меня никогда не привлекал. Я обожала брутальных мужчин. Моим тайным идеалом был лысый громила с нахальной улыбкой и руками, бугрящимися от мышц. Такой, чтобы на его фоне чувствовать себя Дюймовочкой. В общем, Орландо Блум – нет, Вин Дизель – да.

Я снова огляделась.

Единственным мужчиной, которого я заметила, был изящный серокожий парень с длинными волосами и очень женственной внешностью. Обнаженный до пояса, он стоял на коленях в тени колонны и смотрел в пол. В его ушах блестели золотые сережки. Целый ряд золотых колечек вдоль завитка ушной раковины. На смазливом лице, под скулами и у висков, мерцали аккуратные узоры татуировок.

Красивый, но не в моем вкусе. К счастью, этот серый эльф с пирсингом – ненавижу пирсинг у мужчин! – явно не собирался участвовать в поединке.

Чур меня, чур от такого поклонника!

– Алони! – перекрыл шум толпы женский голос. – Ты готова?

На середину зала вышла и остановилась в трех метрах от меня высокая поджарая эльфийка в купальнике. Никак иначе ее наряд я назвать не могла. Кожаные трусы и лифчик, соединенные ремешками, на ногах – узкие сапоги до колен, в руках такой же блестящий металлический щит, как у меня. Видок еще тот. В секс-шопе эта девица что ли одевалась?

Алони – это, кстати, я. В голове время от времени всплывали воспоминания бывшей хозяйки тела и не давали попасть впросак. Так что я сразу поняла, что странная эльфийка обращается ко мне.

Но к чему я должна быть готова? К появлению моих поклонников?

– Готова. – Надо же было что-то ответить.

Девица в купальнике кивнула и подняла щит:

– Тогда защищайся!

И тут вереница новых воспоминаний пронеслась перед глазами.

Черт, черт, черт!

Это не за меня сражаются. Это я сейчас буду биться! Вот за этого серого, стоящего на коленях задохлика с проколотыми ушами. За право обладать им.

Но я не хочу! Он меня совершенно не привлекает. И вообще где это видано, чтобы бабы дрались за мужика!

Ненормально. Неправильно. Я не согласна!

Мне этот патлатый даром не нужен. Не буду я из-за него участвовать в поединке и рисковать жизнью.

О, Господи, в какой безумный мир я попала?

Глава 2

Сегодня Алони обязательно его выберет. Обычно принцесса-полукровка не обращает на него внимания. Ей нравятся тщедушные, даже худые мужчины, а у Легрина широкие плечи, внушительная грудная клетка, рельефные мускулы на руках. Он выше своих соплеменников, крепче их, возможно, не столь изящен, однако не лишен знаменитой эльфийской грации. Сегодня он украсит свое тело особыми ритуальными кольцами, которые так привлекают женщин-дроу, и Алони наконец-то его заметит.

– Ты уверен? – спросил друг Нарамиль, сжимая в руках иглу. – Может, лучше перестанешь тренироваться, чтобы больше соответствовать ее вкусам?

Перестать тренироваться Легрин не мог. В этом суровом мире, который принадлежал женщинам, ему необходимо было чувствовать себя сильным. Ежедневные тренировки нарастили ему мышцы, вид их наверняка отталкивал Алони, зато хорошая физическая форма дарила чувство защищенности.

После того, что сотворила с ним мать, он ненавидел ощущать себя уязвимым.

Да простит его Лайдан за греховные мысли, но иногда Легрин думал, что ему надо было родиться светлым эльфом, да пусть даже человеком, но не дроу. Только не дроу.

Слишком он непокорный для темного эльфа, слишком своенравный. И эти его навязчивые мечты о свободе... А еще тайна, страшная, опасная тайна, которая грозит ему смертью.

– Давай уже, – Легрин сжал зубы и отвернулся, чтобы не видеть, как приятель протыкает иглой его сосок.

Алони понравится. Глядя на золотые колечки в мужских сосках, женщины-дроу захлебываются слюной. У Легрина уже были проколоты уши: пять тоненьких колечек сверкали на одном завитке и столько же на другом. Но уши прокалывали все мужчины, а вот соски трогать решался не каждый.

– Второй тоже? Они чувствительность потеряют, – предупредил Нарамиль.

– Ну и хорошо, – вздохнул Легрин. – Не будет больно, когда за них дергают.

– Твое увлечение белой принцессой глупое.

– В глаз хочешь?

– Но это же правда. Повелся на внешность и теперь мучаешься. Думаешь, раз она не похожа на остальных женщин Лунновилы, то и по характеру другая? Добрая и нежная, как светлые эльфийки. Глупо. Ты с ней даже ни разу не говорил.

– Поговорю. Хватит умничать.

Он прикрыл глаза, растворяясь в ноющей боли, которая волнами расходилась от проколотых сосков.

Раз в месяц в праздник Полной Луны у Тройного водопада знатные эльфийки выбирали себе любовника на ночь. Для мужчин это был шанс обратить на себя внимание понравившейся девы и вкушать плод, запретный в остальное время.

Двадцать девять дней свободные мужчины и женщины жили в целомудрии, а на тридцатый с благословения Великой Лайдан предавались безудержному разврату. Но было правило: один партнер на всю ночь.

Избранника можно было выбрать заранее и застолбить, чтобы никакая другая эльфийка во время праздника не смела на него претендовать.

Каждый месяц Легрин надеялся, что выбор принцессы-полукровки падет на него, но светлую красавицу привлекал совершенно другой типаж мужской внешности. Сколько бы Легрин ни крутился возле Алони, как бы часто ни попадался ей на глаза, возлюбленная его не замечала.

Ничего! Он не сдастся. Проведет с принцессой праздничную ночь, а потом добьется ее руки и сердца.

«Сегодня она будет моей», – подумал Легрин, осторожно трогая маленькое золотое колечко в свежей ране.

Дверь в комнату распахнулась. На пороге возник Айнан, еще один друг Легрина, знающий о его тайной страсти к белой принцессе. Растрепанный, запыхавшийся, он явно мчался сюда со всех ног, чтобы сообщить какую-то весть.

И действительно. Едва переведя дух, дроу заговорил:

– Дуэль! Твое Высочество вызвала старшую сестру на дуэль. Обе захотели обладать в полнолуние Исиленом. Боюсь, и в этом месяце ты, дружище, в полете.

Нет.

Нет!

В ярости сжав кулаки, Легрин вскочил с кресла.

Не может быть! Он так старался, так надеялся. Даже проколол рахновы соски, хотя ненавидел все эти звенящие побрякушки на своем теле. К чародейке ходил за волшебным маслом для волос, запах которого пробуждал желание.

И что теперь? Все напрасно? Алони предпочла ему другого. Опять. В который уже раз?

И кого? Исилена! Этого безвольного червяка. Смазливое до тошноты рохлю. Да он же на женщину больше похож, чем на мужчину!

– Ну и чего ты бесишься? – зевнул Нарамиль, протягивая ему целебную мазь, чтобы смазать ранки. – Говорю же, не обратит она на тебя внимания, пока ты так выглядишь. Плечи у тебя слишком широкие, а взгляд дерзкий. Не нравятся женщинам своевольные. У тебя же на роже написано: «Возьму тебя». А надо...

Легрин зыркнул на приятеля и хмуро спросил:

– А надо?

– А надо: «Возьми меня», – развел руками друг. – Улавливаешь разницу?

Вздых раздражения вырвался из широкой груди Легрина.

Может, и правда бросить тренировки? Перестать упражняться с мечом? Не ходить на охоту? В конце концов, он не собирался вступать в ряды воинов. Воины обречены на одиночество. Лунновилки они не привлекают. Их не то что в мужья, даже во временные любовники не берут.

Сколько раз он видел, как в ночь праздника эти статные, сильные мужчины неприкаянно бродят возле Тройного водопада под полной луной, как с надеждой заглядывают в лица одиноких эльфиек, а те лишь презрительно кривят губы.

Никому не хочется в расцвете лет хоронить себя заживо. Молодое крепкое тело требует любви, а его на годы, на века лишают плотских радостей.

Нет, в воины Легрин точно не пойдет, но и в слабое, безвольное существо в угоду чужим вкусам превращаться не станет. Придумает другой способ соблазнить Алони.

Рано или поздно принцесса будет его женой!

Глава 3

Руки вспотели. Лоб покрылся испариной. Я смотрела на свою противницу, слушала рев толпы и готовилась удариться в панику.

Какая дуэль? Я же ни разу не держала в руках оружия. Ни холодного, ни огнестрельного. Максимум – кухонный нож. Да и им я резала продукты к ужину, а не пыталась кого-нибудь продырявить.

Я не могу сражаться. Я же девочка! Меня же убьют. И вообще я против насилия.

Тем временем эльфийка в кожаном бикини зачем-то подняла правую руку. К счастью, в руке этой не было меча – или чем она собиралась со мной драться? – иначе от страха я бы просто описалась.

– Защищайся, Алони!

Да не хочу я защищаться! Нужен тебе этот патлатый татуированный дохляк – забирай.

А кстати, это идея!

С нервной улыбкой я подняла ладони в примирительном жесте и начала медленно, осторожно, малюсенькими шажками приближаться к своей сопернице. Щит был зажат у меня под мышкой.

– Надо поговорить, – прохрипела я дрожащим от страха голосом. – Возникло недоразумение.

Толпа притихла. Воинственная любительница купальников нахмурилась, затем с непонятной тревогой огляделась по сторонам.

– Что ты творишь? – зашипела она. – Дерись давай. Не позорься.

– Как раз об этом я и хотела поговорить. Не надо драться. Тебе понравился этот мужчина, – я кивнула в сторону серого эльфа, стоящего на коленях. – Забирай. Я на него не претендую.

Брови бикинистки еще сильнее сошлись на переносице.

– Ты же хотела его, аж руки тряслись, – сказала она с недоумением.

– Ну вот, уже не трясутся. – Под ее мрачным взглядом я вытянула ладони вперед и обнаружила, что пальцы предательски дрожат. – Ну, по крайней мере, трясутся не от желания. В общем, красавец твой, а я пошла, у меня дела.

Но стоило развернуться, как плечо сдавила крепкая хватка.

– Сдурела? – с яростью зашептала соперница. Ее взгляд снова метнулся в сторону ожидающей представления толпы. – Они же решат, что ты струсил. Дом наш опозорить хочешь? А ну быстро на позицию. Даже если Исилен тебе больше не интересен, дуэль состоится.

Из гневной речи эльфийки я уловила одно.

Дуэль состоится!

И у меня затряслись не только пальцы, но и колени. Да что там я вся, от макушки до пят, задрожала как осиновый лист.

Дня не прошло в новом мире, а я уже готовилась отдать богу душу.

– И где... где мой, – я облизала пересохшие губы, – меч?

Соперница посмотрела на меня как на идиотку.

– Какой меч? Что с тобой, Алони? Это в Гремволе превозносят физическую силу, а мы ценим мастерство владения магией.

То есть дуэль будет магической? Я правильно поняла? Мы будем кидаться друг в друга проклятиями и всякими огненными шарами? Как там в той книге про мальчика со шрамом на лбу? Авада Кентавра?

– Тогда где моя... – начала я обреченным голосом.

– Что?

– ...волшебная палочка?

Я умру! Погибну! Меня убьют! О, господибожемой!

Соперница растерянно заморгала:

– Какая еще волшебная палочка?

– Из бузины. С волосом тролля в сердцевине.

А-а-а-а! Что делать?! Я не хочу умирать! Тем более это будет уже второй раз. Скорее вытащите меня из этого кошмарного сна!

Несмотря на вопль паники в голове, внешне я оставалась спокойной – оцепенела от ужаса.

– Алони, признайся, сколько бутылок гномьей настойки ты выпила накануне?

Колючий ком застрял в горле. Не в силах вымолвить ни слова, я покачала головой.

– Ладно, – прищурилась моя соперница. – Так и быть. Раз уж ты сегодня не в форме, скажу, какое заклинание будет первым. Я направлю в тебя Огненную вуаль. Ступай, готовься.

И меня настойчиво, придав ускорение, подтолкнули в спину.

Бежать! Надо бежать! Что бы там ни твердили про позор, для женщины не стыдно проявить трусость. А даже если в этом мире и стыдно, выбора нет. Какой бы чистой, незапятнанной ни была репутация, в могиле от нее мало толку.

Я жить хочу! А Огненная вуаль это что-то опасное, даже смертельное. Что-то явно из огня, судя по названию.

Страх сгореть заживо был таким сильным, что под крики толпы я принялась затравленно озираться по сторонам в поисках выхода.

Дверь! Взгляд зацепился за деревянные створки, окованные железом, но только я приготовилась рвануть к ним со всех ног, как вдруг за спиной раздалось угрожающее шипение. Трещало пламя.

Обернувшись, я с ужасом увидела летящую в мою сторону огненную сеть.

Время словно замедлилось. Каждый удар сердца в груди был тяжелым и оглушительным. В воздухе, собираясь меня накрыть, развевалось кружевное полотно пламени.

Убежать я не успевала.

Глава 4

Мужчины-дреоу не должны ревновать. Они не имеют права испытывать собственнические чувства.

Но Легрин испытывал. Он ревновал. Просто бесился, когда представлял Алони в объятиях слизняка Исилена.

Этот рохля ее недостоин!

– Да хватит уже сохнуть по белой принцессе, – устало вздохнул Нарамиль, наблюдая за раздраженным приятелем. – Ты влюблен не в живую девушку, а в выдуманный образ. Переключись на кого-нибудь другого.

Легрин только огрызнулся в ответ. Местные эльфийки слишком напоминали его мать – женщину, которая в наказание оставляла его, пятилетнего, под палящим солнцем.

Ни для кого не секрет, что под прямыми солнечными лучами серая кожа дреу покрывалась ожогами, на открытых участках тела вздувались волдыри, глаза слепли. Никогда – никогда! – темные эльфы не выходили днем из пещер, не покидали защитный магический купол, накрывающий наземную часть Лунновия.

Но его мать... Эта злая и жестокая женщина хватала его, маленького мальчика, за руку, за тонкое детское запястье и тащила наружу, в открытое поле. Там, посреди поля, клонилось ветвями к земле одинокое раскидистое дерево. Вяз, а может быть, дуб.

Солнце на чистом голубом небе палило нещадно, жгло листья, но под пышной кроной дерева колыхалась спасительная тень. В этой тени мать оставляла Легрины до вечера. Снимала с него защитную накидку с капюшоном и бросала ребенка одного на узком клочке безопасного пространства. А он, испуганный до такой степени, что даже не мог заплакать, жался спиной к шершавому древесному стволу.

Ветер играл с ветвями одинокого дуба или вяза, и тень на земле трепетала. Она перемещалась в течение дня, следуя за движением солнца, и Легрин перемещался вместе с ней, до ужаса боясь лишиться своего убежища.

Сейчас, обращаясь к прошлому, он не мог вспомнить, за какие такие шалости столь жестоко наказывала его мать. За разбросанные игрушки? За обычные детские истерики? Просто потому, что ей нравилось над ним издеваться?

Он не помнил. Зато, закрывая глаза, как наяву, видел кружевные края тени у своих ног, а за этими краями выжженную солнцем траву. Сухую, желтую, безжизненную.

И в пятилетнем возрасте Легрин знал, что стоит высунуться наружу, выйти из тени – и его ждет мучительная смерть.

Как же он ненавидел солнце! Как же он его боялся! Это был панический, безотчетный страх, заставляющий столбенеть и покрываться ледяным потом.

Даже сейчас, сильный, взрослый, Легрин не покидал купол над Лунновием днем. Защитный доспех не помогал в борьбе с его навязчивым страхом перед ярким, обжигающим диском в небе.

Возможно, Нарамиль прав: Легрин влюбился в Алони из-за ее внешности, влюбился в ее голубые глаза, белые волосы и светлую кожу, в ее непохожесть на темных эльфиек. Потому что темные эльфийки будили в Легрине такую же жгучую неприязнь, как губительное, опасное солнце. Во всех них он подсознательно видел свою мать.

– Где они? В зале сражений? – спросил он у Айнана, замершего в дверях.

– Зачем тебе знать? Ты же не пойдешь...

– Пойду.

Сжав кулаки, он решительно направился к выходу.

– С ума сошел?! – хором закричали приятели. – Что ты там забыл?

Легрин и сам не знал, однако его переполняла злость такая дикая, что оставаться на месте было пыткой.

Разве теперь получится думать о чем-то другом? Разве удастся найти себе занятие, когда все мысли в зале сражений рядом с Алони и ее соперницей?

Если белая принцесса проиграет в дуэли, Исилен достанется ее старшей сестре. Тогда у Легрина снова появится шанс.

О милостивая Лайдан, пусть Алони сегодня потерпит поражение.

Он шел по длинному коридору вдоль ряда мерцающих на стене факелов, и рахновы сережки оттягивали его соски. Эти проклятые кольца ужасно раздражали, их хотелось скорее снять, но чего только ни сделаешь, чтобы произвести на любимую впечатление.

Приоткрыв дверь, Легрин юркой ящеркой скользнул в зал сражений и едва не оглох от криков возбужденной толпы. Под стрельчатым сводом принцесса о чем-то шепталась со старшей сестрой, а дальше в тени колонны в традиционной позе трофея дожидался сражения его соперник Исилен.

При виде него дроу стиснул зубы и почувствовал, как магия собирается на кончиках пальцев. Запретная сила, которую с трудом удавалось обуздать, особенно, если хозяина дара переполняли эмоции.

А сейчас эмоции хлестали через край. Злость. Ревность. Обида. Отчаянное желание обладать любимой.

В какой-то момент Легрин испугался: магия рвалась наружу. Словно тысячи острых иголок вонзались в подушечки пальцев, а затем в ладонях зародилось слабое сияние. В ужасе Легрин сжал кулаки, чтобы его скрыть. Потом, в волнении озираясь, спрятался за колонну: никто не видел?

Колдовскими способностями в Лунновиле обладали лишь женщины, но изредка, раз в пару веков, рождались одаренные магией мужчины, и участь их была незавидна.

Сильный мужчина – мужчина опасный. От угрозы сложившемуся порядку следует избавляться как можно скорее.

Если тайна Легрина всплывет, его ждет казнь. Без вариантов.

Кажется, пронесло. Зрители были увлечены тем, что происходило в центре зала, и никто не заметил появления постороннего мужчины. Легрин вздохнул с облегчением. Его взгляд тоже устремился на «сцену».

Удивительно, но Алони, опытная волшебница, мастер боевых искусств, выглядела испуганной. Непривычная бледность, бегающий взгляд, суетливость в движениях.

Что с ней? Заболела?

Робкая надежда зародилась в душе Легрина. С одной стороны, ему было стыдно за свои мысли, а с другой – не получалось не думать о том, что плохое самочувствие неизбежно приведет к поражению.

Алони проиграет! И останется без добычи. А значит, у Легрина появится шанс привлечь ее внимание в ночь чествования луны.

Уж в этот раз он постарается, приложит максимум усилий. Белая принцесса наконец-то будет его.

Поединок начался. Раздался общий напряженный вздох. Зрители замерли на своих местах, жадно наблюдая за происходящим. Легрин тоже застыл, беспокойно стиснув кулаки.

Победит? Проиграет?

Но что он видел. Огненная сеть, созданная старшей принцессой дроу, развернулась в воздухе и с треском готовилась накрыть его возлюбленную, а та смотрела на парящее кружевное пламя глазами, полными ужаса, и не шевелилась, как будто не знала, что делать.

Но ведь это была всего лишь Огненная вуаль! Развеять ее не составляло труда, тем более для такой опытной колдуньи, как Алони. Почему же она не пыталась себя защитить?

Давай, Алони! Сделай же что-нибудь! Выстави щит, иначе сгоришь заживо.

В дуэли победит та, кто пробьет защиту соперницы, но если не поставить никакой защиты...

Смерть.

Легрин не мог на это смотреть. Не мог ждать. Объятый страхом за любимую женщину, он действовал на инстинктах и даже не сразу сообразил, что применил магию.

Он применил магию! Рахн! На виду у всех!

Осмыслить ничего не успел, как обнаружил, что стоит с вытянутыми руками и на кончиках его пальцев потрескивают золотистые искры.

Все случилось так быстро. За секунду.

Сеть, летящая в Алони, изменила направление. Невольно Легрин сделал так, что ее швырнуло обратно к хозяйке. Клорина, старшая принцесса, не ожидала, что заклинание вернется к ней бумерангом и едва успела выставить магический барьер, да только защита, созданная наспех, оказалась хрупкой и от удара огненного кружева рассыпалась искрами.

И все же барьер поглотил пламя. Клорина осталась цела и невредима, но дуэль была проиграна: защиту старшей принцессы разбили.

Руки Легрина тряслись. Он колдовал. Колдовал в зале, полном эльфиек. Кто-то мог это видеть. А если это видели, уже завтра он лишится головы.

В ледяном поту Легрин оглядел толпу. Толпа ликовала, впечатленная зрелищем. Никто не обращал на него внимания, да и стоял он в темном углу за колонной позади собравшихся.

Неужели и в этот раз повезло?

Облегчение нахлынуло настолько мощное, что Легрин оперся спиной на стену: колени обмякли, тело словно лишилось костей.

Не попался.

И Алони жива.

Он ее спас.

О Лайдан, спасибо!

Захотелось рухнуть на колени и отблагодарить добрую богиню молитвой.

Спас. Жива. Не попался.

Но тут новая мысль вонзилась в мозг раскаленной стрелой.

Алони победила. Он сам помог ей выиграть в поединке. Сам. И теперь она заберет приз. Исилена.

О, Лайдан, какая жестокая насмешка судьбы! Легрин толкнул любимую в объятия соперника. Собственными руками толкнул. В итоге праздничную ночь Алони проведет с этим дохляком, а он, Легрин, как всегда, останется не у дел.

Глава 5

Огненная сеть развернулась в воздухе над моей головой, а все, что я смогла сделать, – зажмуриться в ожидании боли. Жуткой боли! Чудовищной! Сгореть заживо страшнее, чем погибнуть под колесами джипа.

Сильным жаром окатило макушку и кожу лица, треск пламени оглушил, и я с ужасом подумала: «Вот сейчас. Конец. Это конец». Но раз – и все исчезло. Перестало пугающе печь лицо, звук шипящего огня начал удаляться. И вдруг зал взорвался громовыми овациями. Люди... то есть эльфы кричали, стучали ногами и хлопали в ладоши, и в этом неистовом, бешеном реве мне слышалось... одобрение?

С опаской я открыла глаза.

Толпа ликовала. Моя соперница с потрясенным видом отряхивалась от чего-то, похожего на горящие клочки ткани. На ее лице читалась смесь досады и шока.

Что случилось? Почему я до сих пор жива? Куда делась летящая на меня огненная сеть? И почему зал ревет?

– Ну ты даешь, Алони, – словно нехотя выдавила из себя эльфийка в кожаном купальнике. – Притворилась испуганной, чтобы ослабить мою бдительность, а в последний момент нанесла удар. Если бы ты не застигла меня врасплох... – она поджала губы, не став заканчивать фразу.

Застигла врасплох?

Нанесла удар?

То есть я... колдовала?

Меня накрыла такая мощная концентрация чувств, что, кажется, даже давление поднялось. Облегчение. Эйфория. Восторг. От всех этих эмоций голова закружилась, а в висках загрохотал пульс.

Жива! Я жива и умею колдовать.

Похоже, в ситуации, угрожающей жизни, сработала память тела, и я неосознанно смогла отразить атаку соперницы. Получилось один раз – получится и второй. Немного практики – и я овладею магией.

К эйфории добавилось чувство гордости за победу. Смогла! Сама! Ну разве не молодец?

Зрители на трибунах продолжали торжествовать, а я вдруг подумала: как же здорово получать признание. Гораздо приятнее, чем варить борщи и драить кастрюли без единой надежды на похвалу.

За последние десять лет самым крупным моим достижением был удачно приготовленный торт на день рождения Олега. Идеально ровный «Наполеон» из заварного крема и тринадцати коржей.

«Спасибо, – все, что сказал мне тогда любимый супруг и добавил с неприятной кривой ухмылкой: – Это я, так понимаю, твой единственный подарок?»

«Почему же? Второй подарок ждет тебя в спальне».

Не было у меня тогда лишних денег купить Олегу что-то в магазине – я же не работала и все равно на праздники старалась порадовать его как могла.

– Алони, – голос соперницы вырвал меня из воспоминаний о прошлой жизни. – Забирай свой приз.

Приз?

Ах да, серый эльф с пирсингом и мерцающими татуировками на лице.

Я же победила, а значит, теперь этот мужчина мой.

Секунду назад я, счастливая, парила в облаках, но суровая реальность швырнула меня с небес на землю.

Растерянная и смущенная, я наблюдала за тем, как патлатый парень поднимается с колен и идет в мою сторону.

На кой он мне сдался? Что мне с ним делать?

– Пометь его, – подсказала моя поверженная соперница, но не объяснила как.

Тем временем молодой мужчина с серой кожей и острыми ушами остановился напротив меня и робко улыбнулся.

Толпа притихла. Все чего-то от меня ждали. Десятки, если не сотни взглядов были направлены в мою сторону. Неловкое чувство постепенно сменялось паникой.

Что мне делать? Чего эти эльфы от меня хотят?

Я напряглась, обратившись к воспоминаниям настоящей Алони, но память показала мне фигу.

Я же сейчас оконфужусь. Или вызову ненужные подозрения. А что, если обмен душами в этом мире – явление нередкое и все поймут, что в теле их принцессы чужачка-захватчица?

Ой-йой-йой, зачем я об этом подумала? Теперь еще и руки затряслись, а под мышками неприятно вспотело.

– Алони? – позвала эльфийка в купальнике. Ее взгляд стал пристальным, цепким.

В толпе начали шептаться. Мой нежеланный приз неловко кашлянул в кулак.

Я должна что-то сделать. Как-то пометить свой трофей. Но как в этом сумасшедшем мире помечают добычу?

На ум пришел только один вариант – укус. Воображение тут же нарисовало бредовую картинку: я встаю на цыпочки (трофей то выше меня на целую голову) и кусаю эльфа в шею, аки вампир.

Или куда его надо кусать? И надо ли?

А может, метка ставится с помощью магии?

– Алони? – снова позвала соперница.

Толпа принялась шушукаться еще громче. Под платьем вдоль позвоночника скатилась струйка ледяного пота, и на лбу тоже выступила испарина.

Мужчина напротив смотрел на меня с растерянным, тревожным выражением и кусал губы.

Он открыл рот, словно хотел, но не решался что-то сказать, затем закрыл, открыл снова и наконец выдохнул:

– Вы собираетесь от меня отказаться, Ваше Высочество?

Точно! Отказаться!

А так можно?

– Я... да, – прохрипела я и прокашлялась, чтобы вернуть нормальный голос. – Я отказываюсь. Я передумала. Вот.

Уф. Какое облегчение!

Однако облегчение сменилось чувством, очень похожим на угрызения совести, когда я увидела, как изменилось лицо отвергнутого трофея. Плечи эльфа поникли. Взгляд потускнел. Уголки серых губ поползли вниз.

Ну что не так? Неужели этот парень настолько жаждал забраться в мою постель?

– Эй, что ты творишь!

В жесте отчаяния патлатый сделал то, чего я совершенно не ожидала.

Упал передо мной на колени.

Фу, нет, не надо так! Мужчина на коленях – жалкое и неприятное зрелище.

– Встань! Встань немедленно! – зашептала я, чувствуя, как краснею от неловкости.

Но вместо того, чтобы подняться на ноги, парень сторбился еще сильнее и зашептал:

– Не отказывайтесь, умоляю. Быть отвергнутым в праздник Полной Луны – позор.

Ну вот опять. И все-то у них в этом мире позор. Проявить слабость – позор. Получить от женщины от ворот поворот – позор. Шагу не ступить без риска опозориться. Как они вообще здесь живут?

– Но я тебя не хочу, – зашептала я в ответ так тихо, как только могла. – Я передумала с тобой спать.

– Не надо спать, – эльф поднял на меня взгляд, и от беззащитного выражения на красивом лице сердце екнуло от жалости. Жалости, разбавленной изрядной долей брезгливости.

Не должен мужчина так унижаться. Где твоя гордость, приятель? Где чувство собственного достоинства? Это просто мерзко – валяться у кого-то в ногах. Как после этого тебя уважать? Ты мужик или кто?

– Если вы не желаете делить со мной постель, – продолжил эльф, – я могу сделать вам любовный массаж.

Заметив, как в нервной гримасе дернулся краешек моего рта, он поспешил исправиться:

– Или нелюбовный. Я мастерски умею разминать уставшие ступни.

А вот это удар прямо в яблочко. Всю жизнь в тайне мечтала о такой процедуре: вместо напряжения и свинцовой тяжести, вновь почувствовать в ногах легкость.

В общем, к своему стыду, я задумалась над предложением ушастого, а патлатый стервец опять начал давить на жалость:

– Прошу, Ваше Высочество, поставьте мне магическую печать, иначе ни одна женщина больше не выберет меня в ночь Полной Луны.

Магическую печать? Магическую!

Отлично. Теперь я знала, что метка ставится с помощью колдовства, а не зубами, и очень радовалась, что не успела поиграть в вампира на глазах у охре... очень удивленной толпы. Вот бы вышел конфуз, укуси я этого бедолагу за какую-нибудь часть тела. Представляю себе его глаза.

– Умоляю, принцесса. Не обрекайте меня на вечное одиночество.

Ничего себе у них наказание за позор.

Ну как после таких слов сказать «нет»? Ох уж это чувство сострадания и вечный женский комплекс спасительницы!

– Хорошо, хорошо я согласна.

Парень просиял и поднялся-таки с колен, а я поняла, что осталась один на один все с той же проблемой: как пометить свой приз.

И снова все смотрели на меня с ожиданием. Снова я оказалась под прицелом сотен внимательных глаз. Напряженная тишина давила на нервы. Теперь от меня зависела не только моя судьба, но и судьба другого человека. Тьфу, эльфа.

Может, обратиться к памяти тела? Получилось же во время поединка сотворить волшебство.

«Ахалай-Махалай, Трах-тибидох-тибидох, Крибли-Крабли-Бумс! Какие еще заклинания я знаю?»

Ни одна из этих сказочных фраз, разумеется, не сработала, зато память Алони подкинула мне интересную информацию. Девушка в кожаных труселях – моя сестра. Родственница. А значит, должна быть на моей стороне.

Тут меня озарило. Я придумала, как выкрутиться.

Чего боялась эльфийка? Опозорить свою семью. Она так и сказала: «Дерись! Или хочешь опозорить наш Дом?» На этом страхе можно было сыграть.

Собравшись с духом, я отозвала Клорину в сторонку.

– Что ты тут устроила? – тут же наехала на меня сестрица и привычно скосила взгляд в направлении трибун. – Что за рахновы кривляния? Хочу не хочу, нужен не нужен.

Призвав весь свой актерский талант, я с притворной досадой заломила руки:

– Помоги, сестра. Не знаю, что случилось, но у меня не получается поставить метку. Видимо, всю силу израсходовала во время поединка.

– Как такое возможно? – брови Клорины сошлись на переносице, а выражение на лице проступило не подозрительное, а тревожное, из чего я заключила, что и правда нащупала болевую точку сестрицы Алони. Осталось надавить на эту болевую точку посильнее.

– Наверное, мне надо время, чтобы восстановить магию.

– Время? – Клорина закусила губу. – Все решат, что ты слаба. – И снова ее взгляд пробежался по толпе.

Я ликовала. Попалась! Сама прыгнула на крючок.

– Да-да, все решат, что я слаба. Этого нельзя допустить. Это опозорит наш Дом.

Клорина до треска стиснула зубы, даже желваки на челюсти вздулись.

Всё, пора брать ее тепленькую. Пришло время сказать то, к чему я аккуратно подводила с самого начала.

– Надо спасти наш Дом от позора. Давай ты поставишь на эльфе мою метку, а я притворюсь, что сама это сделала? Сможешь проверить это незаметно?

Пока Клорина напряженно молчала, я удивлялась сама себе: «Надо же какой план придумала». И в который раз за вечер меня охватило чувство гордости. Теперь – за собственную находчивость.

Оказывается, я не только вкусные пироги умею печь – у меня и мозги неплохо соображают.

– Ладно, – вздохнула сестра Алони. – Попробуем.

От ее слов я едва не захлопала в ладоши, как ребенок, обрадованный конфетке.

* * *

Получив метку, Исилен попрощался со мной загадочной фразой: «До часа Луны», и ушел. Просто взял и ушел, словно и не был моим подарком.

Впрочем, я не расстроилась, хотя и рассчитывала на массаж ступней. Главное, ситуация разрешилась наилучшим образом: все остались живы, здоровы и никому не грозило вечное одиночество.

Может, тут и неплохо, в этом их Лунновиле.

В приподнятом настроении я вернулась в свои покои и только там, в тишине и спокойствии, поняла, насколько вымоталась за эти пару часов. Я чувствовала себя мертвой от усталости, просто выжатой, как лимон. Словно каток и бульдозер станцевали на моем теле машинное танго.

Мягкая кровать показалась мне райским облаком. Я знала, что ради собственной безопасности надо скорее осваиваться в чужом мире, изучать его культуру, законы, а кроме них, еще и биографию бывшей хозяйки моего тела, но конкретно в эту минуту с трудом держала глаза открытыми. Очень хотелось спать.

И я заснула, едва добралась до подушки. Просто вырубилась. Закрыла глаза, а в следующую секунду открыла их в новом месте.

Это была больничная палата. Белые стены, медицинские приборы, на мониторах – кривые диаграммы. И тело на кушетке, оплетенное трубками. Мое тело!

Я! Это была я. Даже под кислородной маской я узнала свое лицо, сильно похудевшее и мертвенно бледное.

В синей казенной сорочке, с загипсованной ногой я лежала в окружении капельниц и выглядела так жалко, что хотелось разрыдаться. Как же жутко было смотреть на себя такую!

Я любила это тело. Красивое, отточенное диетами и домашним фитнесом, служившее мне верой и правдой больше тридцати лет, сейчас оно казалось изломанным, кукольным. Неживым.

Значит, я не погибла – впала в кому, а мою душу по странной прихоти богов перенесло в другой мир? Во сне же я смогла вернуться на Землю и навестить свою опустевшую оболочку?

Только сейчас я поняла, что парю под потолком и смотрю на все как бы сверху, а затем увидела свои руки – призрачные, будто сотканные из тумана.

В этот момент дверь в палату открылась. Вошел Олег. И не один. С Лидкой!

Как он мог! Как он мог заявиться ко мне в палату со своей шалашовкой! Совсем у моего бывшего мужа нет совести.

Возмущенная, я облетела предателей по кругу в надежде, что они почувствуют мое присутствие, а главное, мой праведный гнев, однако Олег и Лидка продолжали стоять возле больничной койки как ни в чем не бывало.

Так странно было ощущать себя призраком. Почти так же жутко, как смотреть на свое бессознательное тело со стороны.

– Как это случилось? – прохрипела мерзавка, которую я когда-то считала подругой. На лице у нее застыло какое-то кроличье, испуганно-тупое выражение. Только сейчас я заметила, что у Лидки неправильный прикус и передние зубы сильно выдаются вперед.

– Там был свидетель, – ответил Олег, комкая в руках одноразовую медицинскую маску. Одна закрывала его лицо, другую он терзал в руках с такой силой, что почти порвал. – Говорят, она бросилась под машину.

– Неужели?... – ахнула Лидка, закрыв ладонью распахнувшийся рот.

– Да нет, – скривился Олег. – Просто выскочила на дорогу. Испугалась.

Он был взъерошен, мой изменник-муж. Его обычно гладко прилизанные волосы торчали торчком. То ли растрепались под шапкой, то ли он часто, нервничая, запуская в них пальцы.

– Этот мужик сказал, что Надя обронила перчатку, он хотел вернуть, а она побежала. Чемодан бросила, потом сиганула прямо под колеса того джипа. Черт, – протяжно вздохнув, Олег провел дрожащей ладонью по своему лбу. – Это ты виновата! – вдруг бросил он, с яростью посмотрев на Лидку.

– Я? – возмутилась разлучница.

– Ты! – Олег снова принялся нервно мять в руках маску. – Ты отпустила ее непонятно куда на ночь глядя.

– Да ты вообще выгнал ее из дома! – напомнила бывшая подружка.

Пока любовнички спорили, кто из них виноват в моих травмах больше, я рассматривала Олега.

И что, интересно, я в нем такого нашла, что радостно поскакала замуж? Не Вин Дизель. Даже не бледная его копия. Совершенно обычный мужик с намечающимся пухом. Еще бы. Дома то кормили как на убой.

Сейчас бывший супруг вызывал у меня отвращение. Его внешность, его поступки, характер, мимика – все. Брось он Лидку и упади передо мной на колени, обливаясь слезами раскаяния, – ничего бы в груди не екнуло.

– Ладно, сама она виновата, – примирительно шепнула эта гадюка-крольчиха и потянула своего нового спонсора к выходу из палаты. – При жизни была дурой. И умерла по-идиотски.

– Она еще не умерла, – возразил Олег, но как-то вяло, и, перед тем как выйти за дверь, бросил в сторону больничной кровати еще один растерянно-изумленный взгляд. Похоже, до сих пор находился в шоке от случившегося.

– Считай, умерла, – донесся голос Лидки уже из коридора. – Помнишь, что сказал врач про необратимые изменения.

Какие еще необратимые изменения?

Изначально я собиралась остаться рядом со своим телом, но последовала за Олегом и его любовницей в надежде узнать о прогнозе врачей.

Сотни вопросов наводнили голову. Я же вернусь в мир темных эльфов, когда проснусь? Не останусь здесь летать призраком по палате? А что, если я выйду из комы? А хочу ли я из нее выходить и собирать свою жизнь по кусочкам среди знакомых, которые считают меня дурой-терпилой?

А вдруг врачи сумеют вытащить меня с того света, но очнусь я глубоким инвалидом?

Если бы привидение могло покрыться ледяным потом, я бы уже была вся мокрая.

Не хочу! Не хочу возвращаться в это поломанное тело. Да, темные эльфы явно не дружат с головой, девицы у них совсем отбитые, а обычаи стремные, но лучше быть принцессой, чем прикованным к постели овощем. Как-нибудь справлюсь в этом безумном мире матриархата.

Интересно, а куда делась душа настоящей Алони?

В полном раздрае я летела по больничному коридору за гнилой парочкой «твикс» и мучилась бесконечными вопросами.

Всю дорогу в машине, в нашем старом, тархтящем «фольксвагене», Олег и Лидка молчали. Разговор они продолжили только в лифте, когда поднимались в однушку, из которой недавно выгнали меня на улицу в морозную ночь.

– Дико устал после работы, – пожаловался Олег, глубоко засунув руки в карманы пальто. – Сообразишь ужин?

– Я еще не твоя жена, – с ухмылкой ответила бывшая подруженька. – Но ладно. Только из любви к тебе. – Она немного помолчала и добавила со вздохом: – Сама недавно устроилась на новую работу. Тяжело с непривычки. Сегодня совсем упала.

– Так ты же всего лишь секретарша, – хмыкнул Олег. – Что там упаваться? Вари кофе да перекладывай бумажки из одной стопки в другую.

Лидка поджала губы, ноздри ее раздулись, в глазах вспыхнула ярость.

– Ты тоже не со смены в шахте вернулся, – процедила она сквозь зубы, но муженек только отмахнулся в ответ:

– Да брось, все же знают, что дамы в офисе сидят только для красоты. Никто им ничего серьезного и ответственного не поручает.

Грудь Лидки заметно приподнялась. Было видно, что разлучница с трудом сдерживает гнев. В конце концов ей удалось усмирить эмоции – похоже, помогли мысли о высокой зарплате Олега – и она с кислым видом изобразила улыбку.

«Хватит болтать о ерунде, – думала я, глядя на них с раздражением. – Давайте уже поговорим обо мне. Какие прогнозы ставят врачи?»

Однако к важной для меня теме любовники так и не вернулись.

Дома Олег сразу направился в душ – смывать усталость, а Лидка – на кухню, к холодильнику и плите. В одном из ящиков она нашла мой любимый фартук с ромашками и, презрительно фыркнув, повязала на талии. Затем разбила в миску несколько яиц, добавила к ним молоко, соль и потянулась к миксеру. Когда Олег вышел из ванной комнаты, омлет был уже готов.

– Как успехи? – спросил муженек с улыбкой, мокрый и посвежевший после душа. Влажные волосы были зачесаны назад, синий махровый халат распахнут на груди. – Долго еще?

– Да уже все, – Лидка сняла со сковороды крышку и показала любовнику пышный омлет с зеленью.

При виде такого простого блюда Олег изменился в лице.

– Что это? – спросил он оскорбленным тоном.

– Омлет, – опешила Лидка от его реакции. Похоже, избалованность избранника стала для нее новостью. Ну ничего, скоро ее ждет множество «приятных» открытий.

– И все? – Олег нахмурился, затем посмотрел на плиту, словно ожидая обнаружить там еще несколько сковородок, полных еды.

– А что еще ты хотел?

– Мясо. Надя всегда готовила на ужин мясо. С картошечкой. Или вот лазанью. Вроде в шкафчике осталась упаковка с этими... Как их?.. Макаронными штукотинами для лазаньи. Можно приготовить. А то омлет это как-то несерьезно.

Пришла очередь Лидки меняться в лице. Будущую миссис Скрипкину буквально пере-
косило.

– То есть ты предлагаешь мне, уставшей после работы, готовить лазанью?

Олег пожал плечами:

– Ну а разве сложно? Листы для нее уже готовые. Промазала соусами, фарша туда. Фарш в холодильнике тоже есть. Надя успела накрутить. Половина работы, считай, сделана.

И этого козла я когда-то любила и облизывала со всех сторон? Самой от себя стало тошно. Так унижаться, так стараться – и ради кого? Наверное, мне действительно надо было умереть и взглянуть на своего царька-мужа со стороны. Впрочем, сама виновата – разбаловала, позволила сесте себе на шею, закрывала глаза на неуважение. Все, никогда больше не буду из кожи вон лезть, чтобы угодить мужчине.

– Лазанью, значит, хочешь, – прошипела Лидка, тяжело дыша и угрожающе сжимая ручку горячей сковороды с омлетом. – Так приготовь.

– Я? – Брови Олега взлетели едва ли не до границы роста волос.

– Ты.

– Я же мужчина!

– И что?

– Я же устал!

– Я тоже устала.

– Ты секретарша.

– Жри омлет! – потеряв терпение, заорала Лидка и со всего размаха плюхнула сковороду прямо на стол. – Ешь, что дают! А ну сел!

От ее грозного рыка Олег так и рухнул на стул.

– И как только Надька с тобой жила?

– Надя – святая женщина, – едва слышно пробормотал мой бывший супруг, с опаской покосившись на свою новую пассию. – Так вкусно готовила. Пирожки, отбивнушечки.

– Что ж ты тогда изменил этой святой женщине? – ухмыльнулась Лидка, а я...

... проснулась.

* * *

Это был сон? Или во сне моя душа покинула тело и отправилась в путешествие по мирам? А если я усну опять, тоже вернусь на Землю? Стану возвращаться туда снова и снова?

Сколько вопросов! Кто бы на них ответил.

В окно проникал лунный свет и бледной полосой ложился на кровать.

В дверь постучали.

– Ваше Высочество, пора на праздник Полной Луны. Все уже собрались у Тройного водопада.

Голос стих. Прежде чем я успела что-то спросить, раздались удаляющиеся шаги.

Что за праздник?

Где искать этот водопад?

Как же сложно быть иномирянкой в чужом теле! Только собралась заняться изучением своей магии, библиотеку хотела найти с книжками по истории местного королевства, учебники по колдовским искусствам полистать, а надо топтать на какое-то непонятное мероприятие. И ничего ведь не объяснили.

Поднявшись с кровати, я подошла к окну и сразу заметила свою цель. Внизу лежал город. Красные черепичные крыши утопали в зелени. Город, освещенный луной, пересекала извилистая лента реки, а начиналась она у озера, широкого и идеально круглого.

Отвесная скала полумесяцем огибала озеро с трех сторон, и три одинаковых потока воды с грохотом низвергались в это озеро с обрыва. Даже отсюда я слышала шум водопада и видела, как на берегу собираются эльфы.

Праздник.

Темные эльфы поклонялись луне – вот что подсказала мне память Алони.

Я открыла шкаф и придирчиво изучила его содержимое: очень много штанов, костюмов и совсем мало платьев. Я выбрала самое роскошное – праздник же! – на вид совсем новое, из легкой струящейся ткани, с широкими рукавами а-ля летучая мышь. Мне понравился цвет – нежно-лиловый, и то, как длинная юбка ложилась аккуратными складками и льнула к ногам.

Темные эльфийки платья не жаловали – это я уже поняла, но лично мне хотелось выглядеть красиво и женственно.

Может, на празднике удастся познакомиться с сильным мужчиной, который знает, что такое чувство собственного достоинства?

Про Исилена, к своему стыду, я, пока собиралась, забыла напрочь.

Улицы Лунновия выглядели сказочно и таинственно. Жилых домов я не заметила ни одного. Все милые маленькие постройки с черепичными крышами оказались лавками, где торговали мясом, фруктами, выпечкой или различными предметами быта.

А сколько здесь было ювелирных магазинчиков! Вон там продавали изделия из золота и серебра, а там – удивительной красоты бусы из драгоценных камней. А в той лавке все украшения были из лунного самоцвета, и не только украшения – сувениры, статуэтки, кубки.

Впечатленная, я совсем забыла о конспирации и глазела по сторонам, разинув рот. Наверное, поэтому не сразу заметила, какие призывные взгляды бросали в мою сторону мужчины, проходящие мимо.

Все эльфы, что встречались у меня на пути, были обнажены до пояса. Большинство из них отталкивали своим субтильным телосложением и рабской покорностью, написанной на лице. Но пару раз попадались весьма интересные экземпляры. Крепкие, с широкими плечами и развитыми мышцами, с военной выправкой.

Когда я улыбнулась одному из таких, он отчего-то сильно удивился и обрадовался, а потом посмотрел на меня с отчаянной надеждой и увязался следом.

Я все ждала, когда он решит познакомиться, когда сделает первый шаг, но он просто шел и шел за мной, ничего не предпринимая. В конце концов это начало раздражать. Я обернулась и взглянула на незнакомца в упор, пристально, красноречиво, мол, давай, действуй, но мой взгляд, похоже, поняли неверно. Неудавшийся поклонник поспешил ретироваться. Проще говоря, сбежал. Печально вздохнул и затерялся в толпе.

И почему мужчины здесь такие нерешительные?

Я двинулась дальше. Улицы Лунновия утопали в зелени и цветах. По краям извилистых мощенных дорожек мерцали фонари. Конструкцией они напоминали садовые светильники из моего мира: железные столбики высотой около полуметра и круглые плафоны из прозрачного стекла, но внутри вместо лампочек горели камни, выложенные пирамидкой.

«Алкорн, – подсказала память бывшей хозяйки моего тела. – Привозят из Гремвола».

А вот и водопад.

Казалось, половина города собралась у грохочущей воды. Эльфийки нарядились в... Не нарядились. Так я бы это назвала. Даже стало неловко от того, что я самая разодетая дама из присутствующих, чуть ли не единственная в платье, да еще и в таком роскошном.

Неудивительно, что местные мужчины просто пожирали меня глазами. Соскучились, бедняги, по красоте и женственности.

Польщенная вниманием противоположного пола, я приосанилась и приготовилась к приятным знакомствам. Сегодня, возможно, удастся присмотреть себе будущего мужа. Всю жизнь

меня учили: одинокая женщина – женщина несчастная, поэтому мне не терпелось снова обрести пару.

Так, кто тут у нас есть?

Рядом шумел водопад. Изредка брызги воды долетали до меня и оседали на моей юбке. Эльфийки переговаривались. Эльфы кружили рядом с ними, будто павлины, распушившие хвосты. Парочка мужчин и меня обошла по кругу, словно красуясь и пытаясь обратить на себя внимание. Вскоре в глазах уже рябило от обнаженных серых торсов.

Заиграла музыка. Звуки арфы едва пробивались сквозь грохот водопада. Слуги в белых одеждах принялись разносить напитки. Все кубки на круглых серебряных подносах были из лунных самоцветов, а внутри – да, я взяла один попробовать – пахла фруктами какая-то белая настойка. На вид – компотик, на вкус – крепче коньяка. Меняхватило на один глоток.

Ох, ну скоро уже ко мне кто-нибудь подойдет, чтобы познакомиться?

С каждой минутой на этом празднике я чувствовала себя все более разочарованной. Во-первых, мужчины только расхаживали вокруг павлинами, но сильно не приближались – бросали томные взгляды издали. Во-вторых, все-таки большинство были не в моем вкусе. Совсем, абсолютно, совершенно не в моем вкусе. Эта серая кожа, длинные патлы, сережки в ушах. А можно мне кого-нибудь, кто выглядит как нормальный мужчина? Вина Дизеля по-эльфийски можно?

Глава 6

«Плевать на Исилена. Сегодня Алони все равно будет моей», – Легрин откупорил восковую пробку и аккуратно вылил содержимое флакона в бутылку с гномьим вином.

Если надо устранить соперника, он это сделает. В борьбе за любовь все средства хороши.

Смешав сонное зелье с вином, Легрин отправился к Исилену, на ходу придумывая правдоподобную причину для своего неожиданного визита. Проблема заключалась в том, что с этим рохлей они почти не общались. Было бы странно и подозрительно свалиться ему, как камень на голову, с предложением выпить.

Легенда. Нужна была легенда, убедительная история, которая поможет заручиться доверием Исилена. Сначала Легрин усыпит бдительность соперника, а затем и его самого.

С глубоким вздохом ревнивец постучал в дверь. К тому моменту план по устранению конкурента уже полностью сложился в голове, осталось только привести его в действие. Но, пожалуй, это было самым сложным.

Радовало, что в мужскую половину дома всегда вел отдельный вход, а значит, не было никакого риска столкнуться с кем-нибудь из женской части семьи Исилена. Легрин хотел остаться незамеченным. Незаметно сделать свое черное дело и незаметно свалить.

– Ты?

Как и ожидалось, задохлик удивился его визиту. Затем заметил в руках незваного гостя бутылку гномьего красного и удивился еще сильнее. Пепельные брови поползли вверх.

– Что-то случилось? Почему ты здесь?

Легрин прочистил горло, собираясь поведать будущей жертве трогательную, слезливую историю, которую сочинил, пока сюда шел.

– У меня к тебе дело. Впустишь? Хочу обсудить кое-что за бокалом вина.

Он подумал, что, возможно, следовало взять с собой напиток покрепче, например, лунную настойку, да побоялся, что такой изнеженный тюфяк откажется ее пить.

С опаской Исилен снова посмотрел на бутылку в руках Легрина, затем с явной неохотой посторонился и шире распахнул дверь.

– О чем ты хотел поговорить?

– Это тяжелый разговор. Такие не ведутся на трезвую голову. Принеси сначала бокалы.

Соперник пожал плечами и скрылся в глубине дома, а Легрин, пользуясь паузой, напряженно вздохнул. Пока все шло по плану. Сейчас Исилен выпьет вина, и после первого же глотка его вырубит.

Мысленно Легрин уже потирал руки в предвкушении праздника и встречи с возлюбленной, но вот рохля вернулся и поставил на стол бокал. Один.

– Давай только быстро, – поторопил он, усаживаясь в кресло и жестом предлагая гостю устроиться в соседнем. – Что у тебя стряслось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.